

Шарапкина А. А. Миф о короле Артуре как концептуальная матрица для осмысления Брексита / А. А. Шарапкина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 192—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214.

Sharapkova, A. A. (2020). Myth of King Arthur as a Conceptual Matrix for Understanding Brexit. *Nauchnyi dialog*, 5: 192-214. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214. (In Russ.).

УДК 811.111'42:94(410)“2016/2019”+81:39

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214

МИФ О КОРОЛЕ АРТУРЕ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МАТРИЦА ДЛЯ ОСМЫСЛЕНИЯ БРЕКСИТА¹

© Шарапкина Анастасия Андреевна (2020), orcid.org/0000-0001-5378-2729, ResearcherID F-8425-2018, кандидат филологических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» (Москва, Россия), warpkova@mail.ru.

Статья посвящена анализу медиадискурса, для которого характерно обращение к мифу о короле Артуре на фоне политического кризиса в Великобритании (Брексит). Материалом послужили публикации британской прессы 2016—2019 годов, интернет-опросы и блоги. Посредством применения лингвистического и концептуального анализа были выделены этапы постепенной актуализации мифа о короле Артуре. Рассмотрены когнитивные механизмы, которые выходят на первый план на каждой ступени. Выделяются три этапа актуализации мифа: 1) от применения идиомы о поиске святого Грааля в политике к сравнению Брексита с поиском магического артефакта, 2) сравнение участников кризиса с другими элементами мифа, 3) моделирование выхода из кризиса через описание поиска нового лидера. Особое внимание уделяется тому, как работают отдельные элементы мифа в динамике. Например, показано, что образ Грааля претерпевает аксиологическую переоценку от положительной к отрицательной по мере изменения отношения к политическим событиям и деятелям. Делается вывод о том, что в моменты кризиса общество обращается к национальной мифологии, переосмысливает ее в новом контексте.

Ключевые слова: мифология; король Артур; Брексит; когнитивные механизмы; медиа дискурс.

1. Вводные замечания

Работа посвящена анализу когнитивных механизмов и лингвистических особенностей актуализации мифа о короле Артуре в британских СМИ на фоне политического кризиса, выхода Великобритании из Европейского союза. Объектом изучения были публикации 2016—2019 годов, посвященные обсуждению Брексита и возможных путей преодоления данного политического кризиса. В работе мы опирались на ключевые поло-

1 Работа поддержана грантом Российского научного фонда № 18-78-00128 «Метаморфозы знака и значения в мифе XX—XXI веков».

жения исследований роли мифологического сознания и многочисленных мифов в современном мире. Также были применены методы когнитивной лингвистики для выделения когнитивных механизмов, которые участвуют в постепенной актуализации мифа.

Многочисленные исследования различных культурных сообществ на разных этапах их развития продемонстрировали огромную важность мифов для осмысления сложных явлений [Лосев, 2001; Потебня, 1989]. Миф признается не рудиментом общественного сознания и не пережитком культуры, а живым социальным феноменом, который диктует необходимость его серьезного и всестороннего изучения [Цельковский, 2011, с. 12], ему свойственна универсальность культурного и когнитивного явления, характеризующая человеческое общество в целом. Отечественный лингвист А. А. Потебня также обратил внимание на синкретизм и вневременной характер мифологического мышления, которое «свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной степени развития мысли ...» [Потебня, 1989, с. 154]. В дальнейших исследованиях роли мифа в современном мире было показано, что практически любой дискурс поддается мифологизации [Барт, 1994]. В первую очередь это политический и рекламный дискурсы. Было высказано отчасти провокационное утверждение о том, что современная политика «происходит на мифологическом уровне» [Singer, 2014, с. i].

Важно отметить, что миф обращен как к языковой составляющей дискурса, так и к когнитивной, поскольку мифы «предоставляют нам инструменты, с помощью которых мы организуем поток приходящей информации» [Midgley, 2011, с. 4].

Одним из ключевых мифов англосаксонской культуры является миф о короле Артуре. Зародившийся предположительно в V веке н. э., миф о короле Артуре пережил несколько ключевых этапов своего развития, задав тон средневековым рыцарским романам («Смерть Артура» Т. Мэлори), определив викторианскую идеологию («Королевские идиллии» А. Теннисона), послужив основой для американского представления о государственности и богатой фильмографии на эту тему, которая только растет в последнее время.

Миф об Артуре возникает на литературно-исторической арене во время политических преобразований или в ситуации кризиса, поскольку данный миф — это классический пример архетипа о вечном возвращении идеального правителя, обладающего истинной сакральной властью [Элиаде, 1998]. Ретроспективный взгляд на наиболее значимые воплощения артурианы в англосаксонской культуре позволяет отметить тесную связь

воплощения данного мифа и политической повестки на протяжении столетий, что указывает на его ключевую роль в формировании национальной самоидентичности [Комова, 2000]. Признано, что текст Гальфрида Монмутского «История бриттов» (1139) имел одной из своих целей оправдание нормандского завоевания и легитимацию новой власти [Lopez, 2017]. Почти хрестоматийным примером использования мифа в связи с актуальной политической повесткой может быть обнаружение «могилы короля Артура» в Гластонбери в 1191 году, происходившее на фоне необходимости для Генриха II укрепить королевскую власть и авторитет, подорванные убийством Томаса Беккета. Можно сказать, что миф о короле Артуре «выходит на сцену» именно тогда, когда английскому народу требуется подтверждение величия и национальной самоидентификации [Higham, 2002, с. 39].

Целью данной статьи является анализ обращений к мифу о короле Артуре на фоне политического кризиса Великобритании (Брексит) на основе анализа медиадискурса 2016—2019 годов с позиций функционально-когнитивного подхода. Мы также ставили своей целью выделение когнитивных механизмов, обеспечивающих его актуализацию. На концептуальном уровне миф может быть представлен в виде матрицы из различных, но взаимосвязанных концептов. На языковом уровне данный миф может быть реализован в виде определенных слов-маркеров и слов, принадлежащих дискурсу о короле Артуре, аллюзий на литературные и кинематографические произведения.

2. Характеристика материала исследований

Материалом для исследования послужили статьи из следующих изданий: «The Guardian», «The Times», «Independent», «BBC» и «Telegraph». По мере необходимости привлекались аналитические статьи, опубликованные в других изданиях, и данные интернет-опросов. Наиболее частотной аллюзией, имеющей отношение к мифу о короле Артуре, является упоминание Святого Грааля. Так, был собран основной корпус из 71 публикации, который далее был дополнен еще 17 статьями из других источников. Проанализированный материал можно условно разделить на 3 периода: 1) отдельные публикации до референдума о выходе из ЕС, 2) публикации после обнаружения результатов и в процессе подготовки к выходу, 3) публикации в преддверии голосования за урегулированный выход Британии из Европейского Союза 2018—2019 годов (рис. 1).

Собранный материал был проанализирован с позиций функционально-когнитивного подхода к анализу дискурса. На каждом этапе были выделены основные когнитивные механизмы (перспективизация, смена тра-

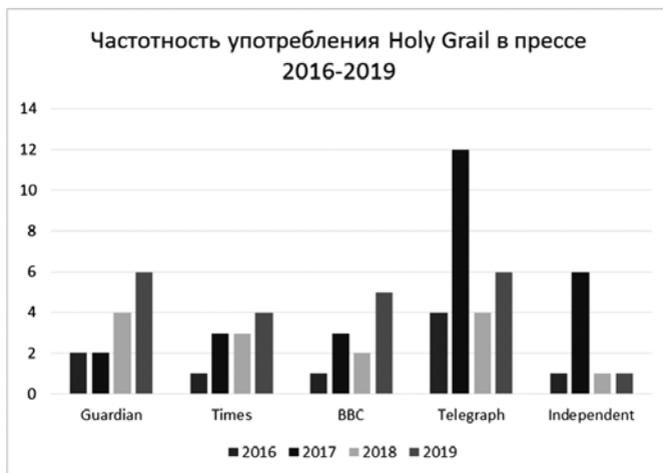

Рис. 1. Количественное соотношение использования словосочетания Holy Grail по годам с 1 июня 2016 года по 10 мая 2019 года

ектории сканирования, фокусирование / дефокусирование, профилирование, концептуальная метонимия и метафора, соединение, достраивание, развитие) [Langacker, 2008; Talmy 2003] и лингвистические особенности, позволившие мифу вновь актуализироваться.

3. Краткая характеристика Брексита и предпосылки актуализации мифа

Брексит — процесс, основанный на результатах референдума 23 июня 2016 года, когда 51,9 % проголосовавших поддержали выход, — оказался спусковым крючком кризиса и ареной борьбы за предпочтения людей. Сам шаг выхода из Евросоюза можно охарактеризовать как прорыв антиглобалистских тенденций, укорененный положительными чертами британского общества: консерватизмом, традиционностью, имперскими амбициями. Ж. Б. Баррозу сформулировал комплекс причин следующим образом: «В момент, когда многие европейцы сталкиваются с безработицей, неопределенностью и усиливающимся неравенством, возникает нечто вроде “усталости от Европы”, на которую накладывается непонимание. Кто что делает, кто что решает, кто кем и чем управляет? И в каком направлении мы двигаемся?» [цит. по: Морозова, 2017, с. 161]. Любопытно, что именно неопределенность и неуверенность в настоящем дне создают основу для мифологизации, поскольку мифы предлагают простые ментальные модели

событий, легко применимые мыслительные конструкты, а иногда и целую когнитивную матрицу.

Взаимоотношения Британии и ЕС были всегда «особенными» — «special», как их аккуратно характеризуют в литературе по данному вопросу. Однако «в последние два десятилетия Соединённое Королевство все с меньшей теплотой относилось к ЕС. В течение общей избирательной кампании 2015 года внутренние противоречия между Дэвидом Камероном и Консервативной партией заставили его пообещать проведение референдума по вопросу членства в ЕС» [Becker et al., 2017, с. 602]. В 2016 году Тереза Мей сменила на посту Д. Кэмерона, подавшего в отставку по результатам референдума. Позитивом последнего было сохранение членства в ЕС, ибо его правительство смогло получить более выгодные условия для Британии, отраженные в Договоре от 19 февраля 2016 года. Результаты референдума оказались неожиданными, так как люди проголосовали, прежде всего продемонстрировав свое недовольство курсом правительства. «Основным аргументом сторонников выхода являлась ставка на долгосрочные выгоды, которые Британия может получить от выхода из ЕС, такие как политическая независимость, значительный экономический рост, самостоятельное решение миграционных проблем, что находило наибольший отклик у британских граждан» [Лазарева и др., 2018]. Итак, основной задачей Терезы Мей на посту премьер-министра должен был стать максимально выгодный для Британии выход из Европейского Союза: “Brexit means Brexit” (за что в прессе ее позже иронически называли Mrs ‘Brexit Means Brexit’). Однако чем дальше продвигались переговоры, тем яснее становилось, что эта задача гораздо сложнее, чем казалась, а поиск пути выхода начинает напоминать поиски Святого Грааля, то есть поиски несуществующего мифического объекта-идеи. Именно этот концепт, связанный с мифом о короле Артуре, проявляется в прессе первым и продолжает использоваться далее.

4. Святой Грааль как концепт и элемент мифа

Рассмотрим основные концептуальные характеристики Святого Грааля путем анализа лексикографических данных. В современных словарях отмечается характерное значение этой культурно-специфической идиомы как некоторого желаемого, но практически недостижимого объекта: 1) *something that people want very much, but which is very difficult or impossible to achieve* [LDO]; 2) *A thing which is eagerly pursued or sought after* [ODO]; 3) *something that is extremely difficult to find or get* [CDO]. Также представление о Святом Граале напрямую связано с традицией рыцарских

романов. Так, в структуре данного концепта можно выделить 4 основных элемента ядерной структуры: 1) идеализированное представление об артефакте, который является объектом рыцарских поисков; 2) имплицитное представление о пути поисков и тех, кто находится в поиске; 3) магические, положительные свойства данного артефакта; 4) совокупность характеристик рыцарского путешествия: сложность, опасность, непредсказуемость.

Для выявления характеристик, находящихся на периферии концепта, обратимся к словарию “Word Associations Network”, который анализирует наиболее частотные ассоциации на основе корпуса английской и американской литературы и открытых интернет-источников. Фиксируются следующие лексемы-ассоциации: *Lancelot, Monty Python, Brotherhood, Quest, Percival, Cauldron, Merlin, Avalon, Chivalry, Legend, Knight, Crucifixion, Arthur, Knighthood, Immortality, Keystone, Myth, Spear, Christendom, Gareth, Search, Healed, Mystical, Romance, Bamboo, Unfinished, Dread, Mystic, Medieval, Elusive, Mediaeval, Sacred, Corrupted*. Очевидно, что в ассоциативном поле также присутствуют все необходимые выходы на артуриану. Отметим, что одной из первых представлена ассоциация с известным фильмом “Monty Python and the Holy Grail” — именно она будет использована оппонентами Т. Мей позже. Интересная ассоциация с *keystone* — так называемым замковым камнем, самым главным элементом арки, а в метафорическом значении указывающим на наиболее важную идею или процесс — *the most important part of an idea, belief, or process that influences how it develops* [LDO], что реализуется в примерах из британской прессы первого этапа — 2016 года и частично 2017 года.

5. Первый этап — введение аналогии с поиском Святого Грааля

Следует отметить, что идиома поиска Святого Грааля начинает появляться в прессе незадолго до самого референдума в качестве журналистского штампа, а не продуманной аллюзии к мифу о короле Артуре. Главным контекстом периода перед обсуждением возможного выхода Великобритании становится желаемая беспошлинная торговля с теми или иными мировыми державами. Весь период 2016 года данное выражение употребляется с положительными коннотациями — ‘стремление к идеалу’, ‘рыцарское бескорыстное служение своей стране’: *If getting out of the EU has been his crusade, getting the pound down and manufacturing up is the Holy Grail* (Если представить себе выход из ЕС как его **крестовый поход**, то снижение стоимости фунта и рост производства станет **Святым Граалем**)¹ [Independent,

¹ Здесь и далее перевод автора.

2016, Jan, 23] — так описывается представление об исправлении экономической ситуации с точки зрения экономиста и бизнесмена Джона Милса, активно выступающего за Брексит. В первый год сразу после референдума частотность употреблений словосочетания “Holy Grail” значительно возрастает на фоне обсуждения происходящих в обществе процессов, которые «назначаются» неким Святым Граалем — важным элементом государственной системы: *welfare, freetrade, markets, social stability*. К примеру, на фоне обнародования результатов голосования возобновляются дискуссии о *суверенности* государства: “*sovereignty*” is the **Holy Grail** [The Guardian, 2016, Jun, 21]. Многократное использование данной идиомы привело к связыванию всего комплекса ожиданий от Брексита с поиском некоего идеального объекта — Святого Грааля. Постепенно была сформирована и концептуализирована важная идея улучшения жизни в стране — выход из ЕС. Отметим, что первичным механизмом является сравнение, медленное структурное совмещение двух концептуальных областей — поиска Грааля и современной политики, поэтому первые употребления сопровождаются лексическими маркерами, указывающими на намеренность данного сравнения, как это часто происходит с новыми, неконвенциональными метафорами: *debates have claimed the speech “as being some sort of holy grail”* (в обсуждениях его речь рассматривалась как «некий святой грааль») [BBC news, 2016, May, 10]. Высказывания этого периода характеризуются специфической грамматической модальностью: 1) *It would be “The Holy Grail” of international trade, regulatory barriers* (Это *мог бы быть Святой Грааль* международной торговли, нормативных барьеров) [Independent, 2016, Jun 22]; 2) *It should be the holy grail of public policy, the priority for government and the cause which unites the nation in action* (Это *должно стать Святым Граалем* государственной политики, приоритетом для правительства и делом, которое объединит нацию в действии) [Telegraph, 2016, Aug, 1]. Наконец, сам выход из ЕС концептуализируется через нахождение Святого Грааля: *For decades (they) had this goal of us leaving the EU as the holy grail* (На протяжении десятилетий (они) преследовали цель покинуть ЕС как *святой Грааль*) [The Times, 2016, Oct, 22].

Образ Святого Грааля рождает ряд ассоциаций, связанных с мифом о короле Артуре, ведь Грааль является одним из ключевых артефактов рыцарей круглого стола и целью их рыцарских поисков. Значение недостижимости объекта поисков практически не реализуется в ранних примерах, но важным становится гармонизация ситуации после обретения Святого Грааля: 1) *This holy grail of EU legal reform would ensure the protection of citizens against discrimination on the grounds of*

religion and belief, disability and age or sexual orientation in employment (**Святой Грааль** правовой реформы ЕС (В идеале правовая реформа ЕС) *обеспечит защиту граждан от дискриминации при трудоустройстве по следующим признакам: религиозному, убеждений, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации*) [The Guardian, 2017, Dec, 22]. Посредством данной аллюзии описывается и иммиграция, ставшая пусковым крючком противоречий: 2) *The holy grail of politics for the next generation must be the quest for a new, more stable settlement between Anywheres and Somewheres — reconciling the two halves of humanity's political soul* (**Святой Грааль** политики следующего поколения должен быть *поиском нового, более стабильного урегулирования отношений между теми, кого больше волнует внешняя или внутренняя политика, — примирения двух половинок политической души человечества*) [The Times, 2017, Apr, 3].

6. Второй этап — реализация мифа о короле Артуре

Поскольку концепт Святого Грааля связан с рыцарскими представлениями и в целом с артурианой, неизбежно появление и образа самого короля Артура, всегда присутствовавшего в рыцарских романах, посвященных поиску Грааля. Именно это и происходит уже в 2017 году в медиадискурсе: *Where King Arthur had the Holy Grail, the next Prime Minister faces a different task: unicorn hunting* (Если у *короля Артура* стояла задача поиска *святого Грааля*, то следующий премьер-министр столкнется с охотой на единорога) [Ibid., 2017, May, 8]. Как Артур, отправлявший рыцарей на поиски Святого Грааля, так и премьер-министр, старающийся решить экономические проблемы страны, ставят перед собой сложную задачу, которая, вероятно, не имеет решения, а точнее материального воплощения. Поэтому привлекается образ другого мифологического существа, единорога, возможно, еще более иллюзорного чем Грааль. В другом контексте эта задача описывается как геркулесова: *a Herculean task*. Очевидно, что миф еще не до конца проецируется на современность, но формируются предпосылки совмещения двух категорий: Prime Minister + difficult task = King Arthur + Holy Grail. Впоследствии происходит наложение образов премьер-министра и Артура, они соединяются и формируют некое интегрированное ментальное пространство [Fausonnier, 1999].

Однако с течением времени в отношении выхода из ЕС формируется идея его недостижимости, по сути, политического тупика, удаленного во времени и пространстве. В корпусе текстов можно отметить уменьшение

частотности употребления идиомы о поиске Грааля с положительными коннотациями и увеличение — с отрицательными (рис. 3). Внимание фокусируется на процессе, а не на цели: *make progress towards the Holy Grail* (*двигаться* в сторону Святого Грааля). Постепенно приходит понимание сложности ситуации урегулированного выхода и несовпадения идеального и реального представлений: *This is the true Holy Grail of Brexit: zero-tariff and non-tariff barriers on imports from everywhere* (Вот истинный *Святой Грааль Брексита*: отсутствие пошлин и иных тарифов на ввоз товаров отовсюду) [Telegraph, 2017, Oct, 6]. Более того, те идеи, которые год назад описывались как ключевые составляющие процветания, уже ставятся под сомнение — являются ли они тем самым Граалем или лишь ускользнувшим образом: *People talk about the “single market” as if it were some kind of Holy Grail* (*Люди говорят о «едином рынке», будто это какой-то Святой Грааль*) [Ibid., 2017, Jan, 9]. Появляются примеры, сужающие претензии на единый возможный сценарий, и *holy grail* сочетается с такими лексемами, как *possible, my, putative, elusive, illusive, eluding*. Любопытно и употребление обозначения Грааля во множественном числе, указывающее на размытость идеалов и фактическую невозможность выбрать единственный путь разрешения противоречий: *the pursuit of higher levels of social mobility is one of the holy grails* (стремление к более высоким уровням социальной мобильности является одним из *святых граалей*) [Ibid., 2017, Jun, 28].

Упоминание Святого Грааля начинает работать как риторический прием, указывающий на невозможность обретения политического идеала. *Brexit won't be the Holy Grail some nationalists think it is ...* (Брексит не станет *Святым Граалем*, как полагают некоторые националисты) — писал Mick Fealty уже в 2017 году [Sluggertool]. Так, постепенно произошло смещение фокуса с одной характеристики концепта на другую, с идеальности объекта желания на его недоступность или сложность достижения, что в сочетании с контекстами с отрицанием привело к появлению негативных коннотаций. Произошла аксиологическая переоценка концепта. Уже неосознанно недостижимый идеал будоражит умы и приводит к потере времени, а реальные социально-экономические проблемы остаются нерешенными: *The apparent resilience of FDI flows shortly after Brexit was an illusion. Achieving the holy grail of Wicksellian equilibrium that eludes others* (*Устойчивость ПИИ окажется кажущейся вскоре после того, как Брексит стал иллюзией. Достижением некоего Святого Грааля равновесия Викселя, которое ускользает от других*) [Telegraph, 2017, Oct, 15].

В 2017 году в интернете появился сатирический видеоролик (рис. 2), представляющий собой нарезку из предвыборных выступлений Терезы Мей, наложенных на видеоряд из фильма “Monty Python and the Holy Grail”, показывающих ее неспособность получить большинство голосов партии на выборах в парламент и убедить в правоте своих политических позиций. Вспомним, что именно эта ассоциация была одной из первых, согласно данным словаря ассоциаций. В 2017 году результаты выглядят очень неоднозначными: консерваторы получили в парламент 319 мест, а лейбористы — 261. С одной стороны, это была формальная победа, если не знать, что выборы были досрочными, рассчитанными на то, чтобы получить абсолютное большинство голосов, что казалось важным шагом в уменьшении влияния оппозиции на переговоры в Брюсселе по Брекситу. Проблема заключалась в том, что до досрочных выборов у консерваторов было 330 голосов при 326 необходимых для формирования правительства.

Рис. 2 Обложка сатирического видео и сцена из оригинального фильма, где король Артур побеждает Черного Рыцаря, отрубая ему руки и ноги

Такая победа была сродни поражению. Сама Тереза Мей начинает опускаться как *weak* — слабый премьер-министр. Многие отреагировали на данный сатирический ролик положительно, подчеркивая, что нет даже необходимости обращаться к пародии на пародию, когда переговоры о выходе Британии сами напоминают фарс или “quest for the absurd”, как подразумевается в оригинальном фильме. Конрад Рекас (Konrad Rekas) пишет, играя на двух важных культурных отсылках к фильму: *So, in general — Brits had wanted the Holy Grail, but met only The Killer Rabbit of Caerban-nog* (Так, в целом, британцы хотели найти *Святой Грааль*, но встретили лишь *Кролика-убийцу из Кербаннога*) [Geopolitica, 2018]. В фильме белый кролик-убийца из Кербаннога, охраняющий пещеру, кажется милым существом и не представляет опасности до тех пор, пока он не набрасывается и не убивает несколько рыцарей Артура в одном прыжке, перегрызая их до-

спехи (со звуком, «напоминающим открытие консервной банки») и перекусывая шею каждому, кто осмеливается приблизиться к пещере. Также проводится параллель с группой странных рыцарей, которые говорят «Ни» — The Knights Who Say “Ni!”. В фильме они пугают рыцарей короля Артура, не давая им пройти. В прессе “Ni!” заменяется на “No!”: *The Knights Who Say “NO!”*. <...> *No Brexit, No Deal, No Profits* (Рыцари, которые говорят «НЕТ!» Нет Брекситу, нет мягкому Брекситу, нет прибыли) [Geopolitica, 2018]. С этого момента имя Терезы Мей используется с определением *wounded* «раненый», что прямо указывает на образ короля Артура, связанного в мифе с Королем рыбаком, хранителем Святого Грааля в легендах. *It is hard to overestimate the level of exasperation in Brussels with Britain and its wounded prime minister, Theresa May* (Сложно переоценить уровень недовольства в Брюсселе Британией и ее *раненым премьер-министром* Терезой Мэй) [The New York Times, 2019, March, 19]. В мифе Король рыбак ранен в ногу и не способен передвигаться самостоятельно, поэтому вынужден рыбачить и ожидать помощи того, кто найдет Святой Грааль. Более того, в прессе повторяются слова *Theresa May is not a leader*, указывающие на намеренный разрыв только сформировавшейся концептуальной связи между ней и Артуром. Попытки моделировать ее образ через образ Артура сменяются диссоциацией, разделением. Более того, в уже сформированном ментальном пространстве полное отделение Т. Мей от артурианы уже невозможно, и фокус внимания смещается с самого короля Артура на Черного рыцаря. Это вновь персонаж из фильма “Monty Python”, который не пускал путников через мост, сражался с ними и обычно убивал своих противников. В фильме король Артур начинает с ним сражаться, в процессе поединка отсекая ему одну, а затем и вторую руку. Но Черный Рыцарь упорствует и не признает поражения. Только после того, как Артур отрубает ему обе ноги, тот соглашается на «ничью». В массовой культуре образ Черного рыцаря означает бессмысленную гордыню и особое упорство во вред себе даже при очевидном поражении — ведь Артур еще до поединка предлагал ему стать рыцарем Круглого Стола, присоединиться к большинству. Образно говоря, так на досрочных выборах Т. Мэй не приобрела, а лишилась поддержки большинства, поэтому лишилась рук и ног. *A recent Radio 4 satire had a sketch in which Mrs May was the gallant knight in Monty Python and the Holy Grail, fighting on as her opponent hacked off her arms and her legs* (Radio 4 недавно показало сатирический скетч, где миссис Мэй была доблестным рыцарем в *Монти Пайтоне и Святом Граале*, продолжая сражаться, когда ее противник отрубил ей руки и ноги) [The Times, 2018, Dec, 23]. Попытки обсудить вопросы юриди-

ческого урегулирования Брексита в Парламенте сравниваются с потерей конечностей. *Her effort to push through the withdrawal agreement painfully negotiated with the European Union has been crushed in Parliament two times, like losing both arms. Now she wants to try again, and then possibly a fourth time* (Ее попытка протолкнуть соглашение о выходе, которое с таким трудом было составлено Европейским союзом, *дважды провалилось в парламенте, что подобно потере обеих рук*. Теперь она хочет попробовать еще раз, а затем, возможно, в четвертый раз) [The New York Times, 2019, March, 15]. На данном этапе совмещение двух представлений (Т. Мей и Черного рыцаря) уже пройдено, и никаких дополнительных маркеров особой метафоричности в контексте не требуется, восприятие текста работает на уже определенной, заданной категоризации.

После этого аналогии со Святым Граалем в значении недостижимого идеала стали появляться в прессе все чаще и чаще, а Тереза Мей в образе короля Артура, пусть и слабого правителя и объединителя страны, была вытеснена окончательно. Ее сражение за Грааль кажется проигранным: — *Brexit is Theresa May's Holy Grail. Her entire period in charge has been dominated by (and will be remembered as) the struggle to find the right kind of exit from the EU* (Брексит — это *Святой Грааль* Терезы Мэй. *Борьба за* правильный выход из ЕС проходила красной нитью всего периода ее правления (и именно этим он запомнится)) [UK Uncensored, 2018, Nov, 16]. Отметим, что меняется и контекст, в котором звучит упоминание о Граале. Усложняется основная концептуальная метафора, от идеи поиска (*quest, search, long for, look for*) авторы переходят к идее вражды, что выражается в использовании глаголов и существительных, относящихся к военной лексике (*struggle, battle, strike, Brexit war*): *Brexit: A staring march of one against 27* (Брексит: *начало шествия* одного против 27) [BBC, 2019, Jan, 30]. Поэтому идеи о достижении договоренностей предлагается отложить, а Терезе Мей оставить пост премьер-министра: *Leave Theresa to sink with her Holy Grail — Brexit* (Пусть Тереза Мей потонет со своим Святым Граалем — Брекситом) [The Guardian, 2018, Nov, 22]. В данном примере можно найти, вероятнее всего, бессознательные аллюзии к уходу с руководства страной — Артур после своей смерти был отправлен на остров Аваллон. В примере выше ей дословно желают утонуть. Количество примеров употребления обозначения Святого Грааля в отрицательных конструкциях продолжает расти: *It's not the Holy Grail that was promised, but it might be enough to pass muster (Это не тот Грааль, что был обещан, но достаточный, чтобы выдержать испытание)* [UK Uncensored, 2018, Nov, 16].

7. Третий период — актуализация мифа в преддверии голосования

Формирование образа ненастоящего, иллюзорного, недостижимого Святого Грааля позволяет сделать следующий шаг — представить и сам выход из ЕС как событие, принципиально невозможное: *More than 19 months after May started her pursuit of this elusive Brexit deal, she has found something. But the vast majority of MPs, Europhiles and Brexiteers alike, agree what she has found doesn't look anything like the Holy Grail* (Более чем через 19 месяцев после того, как Мэй начала поиски этого неувидимого соглашения по Брекситу, она что-то нашла. Но подавляющее большинство депутатов, как еврофилов (сторонников евроинтеграции), так и брекситеров (сторонников Брексита), согласны с тем, что то, что она нашла, не похоже на *Святой Грааль*) [UK Uncensored, 2018, Nov, 18]. На этом этапе происходит подключение и библейских образов к риторике о выходе из ЕС, причем они вполне гармонично соседствуют с аргументскими аллюзиями: *The EU can evoke the doomsday scenario of a trade crash. <...> with the holy grail of "mutual recognition", while insisting on British red lines over* (ЕС может привести буквально к концу света в торговле <...> со своим *святым Граалем* «взаимного признания», одновременно настаивая на том, что практика отказа в займе закончилась) [Telegraph, 2018, Jun 7]. Финальным шагом должен стать отказ от поиска Грааля и принятие решений, которые помогут гармонизировать ситуацию здесь и сейчас, а не в мифическом идеальном будущем. Тони Блэр указывает на то, что отказаться от поисков «Святого Грааля Брексита» *Brexit Holy Grail* (2018) необходимо сейчас, а уже через год он предрекает, что Грааль никогда не будет найден: *We have literally wasted almost three years on a futile search for a Brexit solution. We have chased the Holy Grail Brexit, the one which will unite the nation. It will never be found* (Мы буквально потратили почти три года на тщетные поиски решения Брексита. Мы пытались найти *Святой Грааль Брексита*, который бы объединил народ. *Но он никогда не будет найден*) [BBC, 2019, March, 22].

В 2019 году уже звучат опасения: *And it risks turning Brexit into a true holy grail. Just remember (as is revealed to Monty Python's King Arthur), the grail is only to be found in "the Castle of Auuggggggh"* (Опасно превращать Брексит в *настоящий святой грааль* (ведь, как показано в фильме Монти Пайтон), он может быть найден только в «Замке Ох-xxx») [The Times, 2019, Jan, 20]. Замок «Ох-xxx» является отсылкой к уже не раз упомянутому фильму «Monty Python», где в некой пещере рыцари находят надпись предположительно Иосифа Аримафейского том, где можно найти Святой Грааль. Проблема в том, что название замка напоминает предсмертный выдох и не может быть сколько-нибудь реальным местом. Предположительный замок

«Ох-xxx»), к которому приплывают Артур и один из его рыцарей в фильме, оккупирован французами и встречает их издевательствами. На героев сбрасывают мусор и показывают, что никто не собирается их выпускать. Артур собирает армию рыцарей для того, чтобы взять замок силой, но в конце его арестовывают за убийство известного историка Фрэнка. Фильм на этом заканчивается, а герои так и не обретают Святого Грааля. В этом контексте вновь звучит вопрос — а стоит ли искать? Не заключена ли опасность в самом поиске недостижимых, идеальных идей? Существует ли такая идея, которая будет неким политическим Святым Граалем, который утихомирит враждующие стороны? *But what will it take to find the political equivalent of the Holy Grail, the idea which can win enough support from across the House to get it over the line?* (Но что нужно для того, чтобы найти политический эквивалент Святого Грааля, идею, которая может получить достаточную поддержку всего Парламента, чтобы пройти необходимый барьер?) [Telegraph, 2019, Mar, 3]. Дискурс печатных СМИ начала 2019 года характеризуется отрицанием существования Святого Грааля и возможности реализации этого сюжета, который помог бы изменить весь мир: *the Holy Grail of their ideal Brexit — even if no one has yet conclusively shown that it actually exists* (Это некий *Святой Грааль* их идеального Брексита — даже если никто еще не доказал окончательно, что он *действительно существует*) [The Guardian, 2019, May, 15]. Звучат предостережения о чрезмерной идеализации реальности: *Painful intrusion of reality* (Ibid.). Рассуждения в духе «а был ли на самом деле шанс выжить у Черного рыцаря, если бы он вел себя иначе» в высшей степени скептически. В целом идиома поиска Святого Грааля начинает употребляется в отрицательных контекстах (рис. 3).

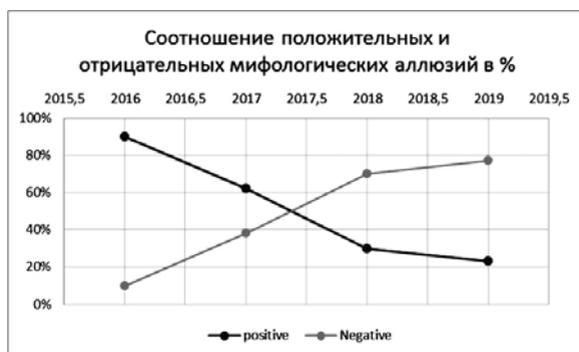

Рис. 3. Соотношение положительно и отрицательно окрашенных контекстов в прессе 2016—2019 годов на основе контекстуального анализа.

Актуализированный миф все же очень точно отражает ситуацию кризиса, метафорического «темного времени» (*crisis, mess, chaos, conundrum*). Идея поиска Грааля вытесняется, образ Т. Мей перестает ассоциироваться с лидером, способным вывести страну из кризиса. Все это говорит о том, что место самого короля Артура, центрального элемента мифа, становится свободным — ведь ситуация раздробленности, экономического кризиса и ощущение опасности извне — прекрасная почва для завершения мифа о защитнике и объединителе британских земель. Концептуальная структура мифа не терпит пустоты: пустующие блоки информации требуют заполнения. Рассуждения о необходимости нового лидера проходят красной нитью в прессе 2018—2019 года.

На финальном этапе происходит соединение не прямых отсылок посредством слов, принадлежащих типичному описанию артурианы, и визуальных образов — артефактов, необходимых королю Артуру — меча Экскалибура и Круглого Стола. Журнал «The Economist» выносит изображение меча в камне на обложку (рис. 4), а статья «The **quest** to remake politics» занимает первую полосу. Статья начинается почти классической стилизацией под героический зачин: *Beneath the **chaos** of the Brexit talks, **big ideas** are forming that will shape the next decade* (Под покровом **хаоса** разговоров о Брексите **формируются великие идеи**, которые окажут огромное влияние на последующее десятилетие) [The Economist, 2018, Sep, 18]. В статье рисуется оппозиция прошлого и будущего, должна проявить смелость и решительность, выиграть в «битве идей»: *Britain is at last getting **the battle of ideas** that the referendum result demanded* (Британия наконец-то вступает в **битву идей**, которую потребовал результат референдума) [Ibid.]. В тексте сознательно создается многоплановость, возможность интерпретировать внешние события сквозь приму мифологических параллелей. *These **ideas** could mark a **dramatic break with the past**. But whereas an insurgent Labour has united behind a growing list of detailed plans, the Tories' thoughts are ill-defined, and the party far from agreed on **which to pursue*** (Эти **идеи** могут означать **окончательный** разрыв с **прошлым**. Но в то время, как **мятежные** Лейбористы объединились за определением растущего списка подробных планов, мысли Тори плохо определены, и партия не пришла к соглашению о том, **какие цели преследовать**) [Ibid.].

В этот же период появляются посты в интернете о том, что король Артур должен вернуться и проснуться ото сна, увидев, что происходит в современной Англии: *“There I was, having a nice kip,” he said, “when this bloody Brexit crap went and woke me up. I was expecting at least another*

Рис. 4 Обложка журнала «The Economist», 2018 год

thousand years” (Я прекрасно спал, когда вся эта чертова чушь Брексита разбудила меня. Я ожидал проспать еще, по крайней мере, тысячу лет) [The Spooof, 2018, Nov, 18]. С течением времени таких прямых сравнений становится меньше. Чаще читателям позволяется додумать сравнение и возможный выход из кризиса самостоятельно. Желание лёгкого и почти магического выхода из сложившейся ситуации подается иронично и неправдоподобно, а ищущие его сравниваются с рыцарями-паломниками: *Some magic new solution that might — maybe, possibly — provide a sudden surprise solution to Brexit’s conundrums, in the way exhausted pilgrims might fall jubilantly on the Holy grail proclaiming, at last, that its jewels are beyond compare and a world changing treasure is now in their heroic clutches* (Необходимо какое-то *волшебное* новое решение, которое могло бы — может быть — возможно — сможет обеспечить *неожиданное удивительное разрешение* неразрешимой *дилеммы Брексита*, похожим образом как *изможденные паломники* могли бы неистово ликовать *узрев Святой Грааль*, заявляя, наконец, что его *сокровища несопоставимы* и что они теперь *крепко держат в своих героических лапах святыню, изменяющую мир*) [BBC, 2019, Jan, 20].

Более того, англичане сами прекрасно понимают, что именно артуровский миф можно противопоставить раздробленности Брексита. В самом начале 2019 года на сайте “Quora” вдруг ставится следующий вопрос для обсуждения широкой публикой: *Legend says King Arthur will return in Britain's hour of need, so he should be turning up any day now. What do you predict will be his plan for dealing with Brexit?* Иными словами, как бы справился король Артур с Брекситом, если бы был способен на это? Среди ответов встречаются и полностью поддерживающие идею обращения к артуриане и считающие его прекрасным анти-Брексит мифом: *I think that Arthurian cycle is a perfect example of an anti **Brexit** myth*. Другие относятся чуть более скептически, но в качестве альтернативы в современном мире предлагают разговор за круглым столом (*Probably involving a roundtable*) между теми, кто хочет уйти, остаться и кому все равно (*Leavers, Remainers and Don't Cares*). И, наконец, встречается и такой однозначный ответ, говорящий очень много о политических настроениях граждан, стилизуемый под устаревший стиль с неизменной английской иронией: *We keenly await his return! What this fable really means is that “cometh the time, cometh the man”. We need a **STRONG, positive leader**. (Коленопреклоненными мы ждем его возвращения!* Что на самом деле эта сказка означает, так это «*час придет, придет Спаситель*». Нам нужен **СИЛЬНЫЙ, конструктивный лидер**) [The Economist, 2018, Sep. 18].

Частично играя на подобных общественных настроениях, сценаристы фильма “The Kid Who Would Be King” (2019) перенесли действие в современную Англию, в жизнь подростка и его друзей, которые должны стать настоящими рыцарями и лидерами для своей страны. На фоне полноценно актуализированного мифа данный фильм был воспринят взрослой аудиторией как своеобразный ответ на политический кризис: *A Lovely Spin on ‘King Arthur’ for the Brexit Age; Brexit fun for all the family; King Arthur meets Brexit*.

Обобщенные результаты анализа когнитивных механизмов и лингвистических особенностей функционирования мифа о короле Артуре в прессе Великобритании в исследуемый период представлены в таблице (табл.).

8. Заключение

Целью нашей статьи стало исследование того, как миф о короле Артуре был последовательно реализован в медиатекстах на фоне политического кризиса Великобритании — Брексита. Как показал анализ, актуализация такого сложного мифа может происходить через использование уже гото-

Таблица

Актуализация артуровского мифа
в англоязычной прессе 2016—2019 годов

Элементы мифа	Когнитивные механизмы	Лингвистические особенности
<p>Holy Grail — объект поиска Идеал — недостижимый идеал</p>	<p>Перспективизация. Удаление желаемого объекта от наблюдателя. Аксиологическая перекатегоризация.</p>	<p>Использование модальности. Использование отрицания. Будущее время + отрицание. Лексические средства, передающие идею иллюзорности идеала. Маркеры временной и пространственной удаленности.</p>
<p>King Arthur — тот, кто ищет Лидер — слабый лидер</p>	<p>Достраивание. Соединение. Тереза Мей сравнивается с Королем Артуром в иронической версии.</p>	<p>Сравнение. Синтаксические параллельные конструкции. Использование кинематографических аллюзий.</p>
<p>Враги Артура — кого он побеждает Черный рыцарь — бессмысленное упорство</p>	<p>Перепрофилирование. Смещение в формирующих ментальных пространствах (мифа + реальности). Соположение. Перераспределение ролей в ситуации победитель-побежденный. Терезе Мей сравнивается с Черным рыцарем.</p>	<p>Сравнение. Отрицание. Лексические средства (прилагательные, репрезентирующие сходство с Черным Рыцарем).</p>
<p>Holy Grail — объект поиска Опасный идеал</p>	<p>Сравнение с концептами: The Killer Rabbit of Caerban-nog, The Knights Who Say “Ni!”, the astle of Auuggggggh. Дефокусирование изначального значения идеала. Аксиологическая перекатегоризация. Моделирование идеи необходимости отказаться от Брексита и Т. Мей.</p>	<p>Ирония. Сравнение. Развернутая метафора.</p>

Окончание табл.

Элементы мифа	Когнитивные механизмы	Лингвистические особенности
Ситуация кризиса до прихода короля Артура Prearthurian era	Блендинг, формирование общего ментального пространства, характеризующегося соединением мифа и реальности. Достраивание. Концептуальная метафора раздробленности, войны.	Лексические средства с негативно-оценочными компонентами значений, передающие неодобрение сложившейся ситуации. Использование военной лексики. Инвектива.
Excalibur — меч короля Артура, артефакт легитимности власти Поиск настоящего лидера — the true leader	Вторичное профилирование выделение элементов, связанных с активным преобразованием мира. Развитие концептов KING ARTHUR и EXCALIBUR. Моделирование идеи необходимости нового лидера для спасения страны от кризиса.	Использование семантической оппозиции прошлого и настоящего. Использование лексики с рыцарскими аллюзиями. Использование визуальных образов. Стилизация.

вых концептов с заданным набором характеристик, которые необходимы для формирования временных категорий или структур знания. Это позволяет поместить сложную, еще не до конца осмысленную информацию в некий временный концепт с четкой структурой и хорошо очерченными границами. Так, знакомый миф может служить матрицей для последующей концептуальной деривации и «вторичной репрезентации» в различных типах дискурса [Бабина, 2003, с. 15].

В современном мире миф играет роль не столько традиционного инструмента познания, упрощающего первичное понимание реальности, сколько некой «концептуальной матрицы», дающей возможность интерпретировать реальность и, более того, частично ее преобразовать. На первом этапе происходит сравнение и проведение необходимых аналогий между реальностью и периферическими элементами мифа. На втором этапе становится возможным использование концептов мифа в качестве инструментов категоризации реальности. Наконец, на третьем этапе происходит переоценка как реальности, так и основных концептов мифа. Например, если сравнить поиск определенной идеи с поиском Святого Грааля, то неизбежно конструируется образ героя, который должен отправиться на поиски. Похожим образом, если появляется образ «меча в камне», то инициируется обсуждение сценария поиска нового, легитимного правителя,

способного вытащить этот меч и найти разрешение сложившегося кризиса. Таким образом, политическая мифология может стать важнейшим инструментом консолидации общества.

Выявление и описание когнитивных механизмов, задействованных при обращении к культурно значимому национальному мифу, обуславливают актуальность исследования. Проведенный анализ обнаружил несколько основных когнитивных механизмов, позволяющих мифу о короле Артуре быть актуализированным на фоне Брексита. Наиболее значимыми являются интеграция ментальных пространств, аксиологическая переоценка и достраивание. Набор данных механизмов индивидуален на каждом этапе актуализации мифа (они представлены в таблице).

В заключение необходимо отметить, что миф о короле Артуре и по сей день легко наполняется новым актуальным содержанием и определяет англосаксонское национальное сознание и формирование национальной идеологии. Обращение к мифу в англосаксонском обществе происходит на фоне политических преобразований, социальноэкономической нестабильности, переосмысления идеалов. В данном контексте осмысление реальности посредством привычного мифа становится иллюзией понятности. Итак, популярный культурный миф представляет собой «концептуальную матрицу», которая может выборочно накладываться на определенные аспекты реальности, требующие осмысления. Поэтому мифы имеют большой потенциал изменения настроений общества. Вызовы времени могут быть различны, однако «механизмы реакции» общества на данные кризисные состояния ограничены, и обращение к национальной мифологии — лишь один, но, на наш взгляд, самый важный из них.

Источники и принятые сообщения

1. *BBC* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.bbc.com/>. 3. *CDO — Cambridge dictionary online* [Electronic resource]. — Access mode:<https://dictionary.cambridge.org/ru/>.

2. *Geopolitica* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.geopolitica.ru/en/article/almost-monty-pythons-meaning-brexit>.

3. *Independent* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.independent.co.uk/>.

4. *LDO — Longman dictionary online* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ldoonline.com/>.

5. *ODO — Oxford Dictionary online* [Electronic resource]. — Access mode : <https://en.oxforddictionaries.com/>.

6. *The Economist* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.economist.com/>.

7. *The Guardian* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world>.

8. *The New York Times* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/>.

9. *The Spoof* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.thespoof.com/spoof-news/uk/131449/king-arthur-returns-thanks-to-brexite>
10. *The Times* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world>.
11. *Quora* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.thespoof.com/spoof-news/uk/131449/king-arthur-returns-thanks-to-brexite>.
12. *Sluggertool* [Electronic resource]. — Access mode : <https://sluggerotoole.com/2017/09/11/brexit-wont-be-the-holy-grail-some-nationalists-think-it-is/>.
13. *Telegraph* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.telegraph.co.uk/>.
14. *UK Uncensored* [Electronic resource]. — Access mode : <https://ukuncensored.com>.
15. *Word Associations Network* [Electronic resource]. — Access mode : <https://wordassociations.net/en>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабина Л. В.* Вторичная репрезентация концептов в языке : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Л. В. Бабина. — Тамбов, 2003. — 341 с.
2. *Барт Р.* Миф сегодня / Р. Барт // *Избранные работы : Семиотика. Поэтика.* — Москва : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — С. 72—130.
3. *Комова Т. А.* On British and American Cultural Studies : An introductory course / Т. А. Комова. — Moscow : Moscow univ. press, 2000. — 167 с.
4. *Лазарева Е. В.* Великобритания в ЕС : вступление, отступление, Брексит / Е. В. Лазарева, А. А. Берстенева // *Вестник Томского государственного университета.* — 2018. — № 435. — С. 127—134.
5. *Лосев А. Ф.* Дialeктика мифа / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 2001. — 558 с.
6. *Морозова Е. Г.* Брексит как новая реальность Европы : мнения и оценки экспертов / Е. Г. Морозова, А. С. Фалина // *Власть.* — 2017. — № 4. — С. 160—170.
7. *Потебня А. А.* Слово и миф / А. А. Потебня. — Москва : Правда, 1989. — 195 с.
8. *Цельковский А. А.* Современный миф как результат взаимодействия традиционной мифологии и идеологии / А. А. Цельковский // *Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология.* — Челябинск, 2011. — Выпуск 22, № 30 (245). — С. 11—15.
9. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении / М. Элиаде // *Архетипы и повторяемость.* — Санкт-Петербург : Алетей, 1998. — 250 с.
10. *Becker S. O.* Who voted for Brexit? A comprehensive district — level analysis / S. O. Becker, T. Fetzer, D. Novy // *Economic Policy.* — 2017. — Т. 32, № 92. — С. 601—650.
11. *Fauconnier G.* Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. — 205 p.
12. *Higham N. J.* King Arthur : History and Myth Making / N. J. Higham. — London : Routledge, 2002. — 316 p.
13. *Langacker R.* Cognitive grammar : A basic introduction / R. Langacker. — OUP USA, 2008. — 562 p.
14. *Lopez T. M.* Re-Writing English Identity : Medieval Historians of Anglo-Norman Britain : PhD diss. — University of Tennessee, 2017. — 258 p.
15. *Midgley M.* The myths we live by / M. Midgley. — Routledge, 2011. — 296 p.
16. *Radulescu R.* Malory and fifteenth — century political ideas / R. Radulescu // *Arthuriana.* — 2003. — Vol. 13, № 3. — С. 36—51.

17. *Singer T.* The vision thing : Myth, politics and psyche in the world / T. Singer. — London : Routledge, 2014. — 300 p.

18. *Talmy L.* Recombinance in the Evolution of Language / L. Talmy // Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society. — Chicago Linguistic Society, 2003. — T. 39, №. 2. — C. 33—66.

MYTH OF KING ARTHUR AS A CONCEPTUAL MATRIX FOR UNDERSTANDING BREXIT¹

© **Anastasia A. Sharapkova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5378-2729, ResearcherID F-8425-2018, PhD in Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), warapkova@mail.ru.

The article analyses media discourse characterized by appealing to the myth about King Arthur against the background of the political crisis in the UK (Brexit). The publications of the British press in 2016-2019, online polls and blogs served as a material. Applying both linguistic and conceptual analysis, we identify the stages the myth about King Arthur gets gradually actualized. Cognitive mechanisms that get profiled at each stage are considered. Three stages of myth actualization are distinguished: (1) from using the idiom about the search for the Holy Grail in politics to comparing Brexit with finding a magic artifact, (2) comparing crisis participants with other elements of the myth, (3) modeling the way out of the crisis through the description of the search for a new leader. Particular attention is paid to how the individual elements of the myth work in dynamics. For example, it is shown that the image of the Grail undergoes an axiological reassessment from positive to negative as attitudes toward political events and figures change. We conclude that in times of crisis, society turns to national mythology, reinterprets it within a new context.

Key words: mythology; King Arthur; Brexit cognitive mechanisms; media discourse.

MATERIAL RESOURCES

BBC. Available at: <https://www.bbc.com/>.

CDO — Cambridge dictionary online. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.

Geopolitica. Available at: <https://www.geopolitica.ru/en/article/almost-monty-pythons-meaning-brexit>.

Independent. Available at: <https://www.independent.co.uk/>.

LDO — Longman dictionary online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/>.

ODO — Oxford Dictionary online. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/>.

Quora. Available at: <https://www.thespoof.com/spoof-news/uk/131449/king-arthur-returns-thanks-to-brexit>.

Sluggertool. Available at: <https://sluggerotoole.com/2017/09/11/brexit-wont-be-the-holy-grail-some-nationalists-think-it-is/>.

Telegraph. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/>.

The Economist. Available at: <https://www.economist.com/>.

1 This work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 18-78-00128 “Metamorphoses of the Sign and Significance in the Myth of the 20th — 21st Centuries”.

The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world>.

The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/>.

The Spoof. Available at: <https://www.thespoof.com/spoof-news/uk/131449/king-arthur-returns-thanks-to-brexite>.

The Times. Available at: <https://www.theguardian.com/world>.

UK Uncensored. Available at: <https://ukuncensored.com>.

Word Associations Network. Available at: <https://wordassociations.net/en>.

REFERENCES

- Babina, L. V. (2003). *Vtorichnaya reprezentatsiya kontseptov v yazyke: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. Tambov. (In Russ.).
- Bart, R. (1994). Mif segodnya. In: *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika*. Moskva: Izdatelskaya gruppa "Progress", "Univers". 72—130. (In Russ.).
- Becker, S. O., Fetzer, T., Novy, D. (2017). Who voted for Brexit? A comprehensive district — level analysis. *Economic Policy*, 32 (92): 601—650.
- Eliade, M. (1998). *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryayemost'*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Fauconnier, G. (1999). *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Higham, N. J. (2002). *King Arthur: History and Myth Making*. London: Routledge.
- Komova, T. A. (2000). *On British and American Cultural Studies: An introductory course*. Moscow: Moscow univ. press. (In Russ.).
- Langacker, R. (2008). *Cognitive grammar: A basic introduction*. OUP USA.
- Lazareva, E. V., Bersteneva, A. A. (2018). Velikobritaniya v ES: vstupleniye, otstupleniye, Breksit. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 435: 127—134. (In Russ.).
- Lopez, T. M. (2017). *Re-Writing English Identity: Medieval Historians of Anglo-Norman Britain* : PhD diss. University of Tennessee.
- Losev, A. F. (2001). *Dialektika mifa*. Moskva: Mysl'. (In Russ.).
- Midgley, M. (2011). *The myths we live by*. London: Routledge.
- Morozova, E. G., Falina, A. S. (2017). Breksit kak novaya realnost' Evropy: mneniya i otsenki ekspertov. *Vlast'*, 4: 160—170. (In Russ.).
- Potebnaya, A. A. (1989). *Slovo i mif*. Moskva: Pravda. (In Russ.).
- Radulescu, R. (2003). Malory and fifteenth — century political ideas. *Arthuriana*, 13 (3): 36—51.
- Singer, T. (2014). *The vision thing: Myth, politics and psyche in the world*. London: Routledge.
- Talmy, L. (2003). Recombinance in the Evolution of Language. In: *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago Linguistic Society*, 39 (2): 33—66.
- Tselykovskiy, A. A. (2011). Sovremennyy mif kak rezultat vzaimodeystviya traditsionnoy mifologii i ideologii. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kulturologiya*, 22 / 30 (245). Chelyabinsk. 11—15. (In Russ.).